

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

О СВОБОДѢ СОВѢСТИ.

ПРОЛОГЪ

Алексѣя Ключарева.

МОСКВА.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1875.

Печатать позволяется. Москва. Марта 17 дня 1875 года.

Цензорь протоіерей *С. Зернов.*

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ВОСНЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДА-
ДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА *).

О СВОБОДѢ СОВѢСТИ.

„Вскую свобода моя судится отъ
инныя совѣсти“ (1 Корин. 10, 29)?

Одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, требующихъ по
нуждамъ нашего времени тщательнаго разъясненія, есть
вопросъ о *свободѣ совѣсти*.

Мы знаемъ, что одною попыткою приступить къ разъ-
ясненію и разрѣшенію этого вопроса съ церковной ка-
еэды мы возбуждаемъ во многихъ недоумѣнія и опасенія.
Онъ нынѣ въ христіанскихъ странахъ сталъ вопросомъ
политическимъ, и потому многимъ можетъ представиться,
что мы входимъ въ область не принадлежащую церков-
ному слову, или, по крайней мѣрѣ, не можемъ быть без-
пристрастны въ сужденіяхъ о немъ. Но для устранения
всякихъ недоразумѣній, мы должны сказать, что вопросъ
о свободѣ совѣсти прежде всего есть вопросъ *нравствен-
ный*, какъ и сама совѣсть есть главный дѣятель нравст-
венной жизни. Итакъ, даже для того, чтобы видѣть, въ
какой мѣрѣ и съ какихъ сторонъ онъ можетъ входить
въ область политическихъ вопросовъ и не угрожаютъ ли
какія-либо опасности нашей нравственной жизни отъ не-
правильнаго его пониманія и невѣрныхъ приемовъ въ его
разрѣшеніи, даже для этой цѣли мы должны возвратить
вопросъ на свое мѣсто и рассмотретьъ его въ той сферѣ

*) Произнесено 1875 г. 19 февраля въ московскомъ Большомъ
Успенскомъ соборѣ.

понятій, въ которой онъ только и можетъ быть вѣрно поставленъ и разрѣшенъ.

Скажемъ даже больше: это именно *наша* вопросъ, принадлежащій къ области ученія *церковнаго*, потому что самое ученіе о свободѣ совѣсти стало извѣстно міру только изъ божественнаго откровенія. Древніе языческіе философы, при всѣхъ своихъ успѣхахъ, не могли и домыслиться до той высоты нравственнаго совершенства, гдѣ начинается для человѣка свобода совѣсти; а философы новаго времени только запутали это ученіе, какъ и многія другія чистыя христіанскія понятія, перемѣнивши ихъ съ идеями философскаго характера. По этому мы со всѣмъ дерзновеніемъ яснаго сознанія истины утверждаемъ, что въ разрѣшеніи вопроса о свободѣ совѣсти, объ этомъ высшемъ проявленіи истинной свободы человѣка, первое мѣсто должно принадлежать православнои Церкви. А кто православную Церковь и духъ ея хорошо знаетъ, тотъ раздѣлитъ съ нами и то убѣжденіе, что она никогда и никого ни въ ложное, ни въ неясное нравственное, или общественное положеніе не поставитъ, только бы мы проповѣдники ея ученія неуклонно слѣдовали ея указаніямъ и руководству.

Главныя затрудненія въ примѣненіи къ жизни христіанскаго ученія о свободѣ совѣсти нынѣ происходятъ отъ того, что многіе обращаютъ къ властямъ церковнымъ и государственнымъ требованія на свободу жизни по праву неприкосновенности совѣсти, исходяція изъ повѣрнаго пониманія этого ученія. Всѣ такія требованія, при всемъ разнообразіи взглядовъ и выводовъ, на которыхъ основываются, сводятся къ одному общему положенію: „всякій имѣетъ свою совѣсть, а потому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ, лишь бы его дѣйствія не нарушали личной свободы другихъ и общественного порядка и безопасности“. Правда, что совѣсть есть священная и неприкосновенная принадлежность человѣка, какъ существа разумно-нравственнаго;

она есть главный внутренний руководитель его въ стремленіи къ усовершенствованію по пути истины и правды, и принудить людей дѣйствовать противъ совѣсти, это значитъ, лишить ихъ внутренняго свѣта и силы, нравственно исказить и развратить ихъ. Въ общемъ смыслѣ, или, какъ говорятъ философы, въ отвѣченномъ, идеальномъ представленіи о человѣкѣ, какимъ онъ долженъ быть, это совершенно справедливо. Но не къ такому заключенію мы приходимъ при тщательномъ наблюденіи надъ человекомъ въ омытахъ дѣйствительной жизни. Чего бы казалось лучше, какъ пустить людей идти свободно по прямому пути къ познанію истины, не задерживая и не стѣняя ничѣмъ чужимъ вліаніемъ самостоятельнаго развитія въ нихъ разнообразныхъ умственныхъ силъ и дарованій? Но на дѣлѣ оказывается, что большую часть изъ нихъ приходится во всю ихъ жизнь учить и руководить на пути къ истинѣ; потому что они сами этого пути не находятъ, и даже не видятъ и не узнаютъ, когда его ясно указываютъ имъ. Чего бы лучше, какъ дать людямъ волю упражнять свою свободу въ самостоятельной дѣятельности по законамъ правды божеской и человѣческой, безъ всякаго вмѣшательства стороннихъ руководителей, и только радоваться проявленію въ нихъ свойственныхъ каждой личности особыхъ совершенствъ человѣческой природы? Но на дѣлѣ оказывается, что они до того иногда забываютъ и попираютъ эти законы, что приходится вязать ихъ и заключать въ темницы. Если таковы люди по отношенію къ познанію истины и къ свободной дѣятельности по законамъ правды: то могутъ ли они быть иными въ своей совѣсти, которая есть выраженіе общаго внутренняго состоянія и направленія человека и, такъ сказать, выводъ изъ всей его дѣятельности? Очевидно, нѣтъ.

Разъяснимъ эти мысли подробнѣе. Что такое совѣсть? Ее называютъ закономъ Божиимъ напечатлѣннымъ въ душѣ человека, внутреннимъ свидѣтелемъ нашей жизни, неотлучнымъ судіею нашихъ помысловъ и дѣлъ и т. под. Всѣ

эти выраженія, хотя и вѣрно, но только сравнительно, описываютъ различныя дѣйствія и состоянія нашей совѣсти. По точному опредѣленію, совѣсть есть внутреннее чувство мира и благосостоянія, испытываемое нами при соблюденіи закона, и чувство скорби и страданія при нарушеніи его. Какой здѣсь разумѣется законъ? Тотъ, по которому мы созданы и жить должны, т.-е. законъ Божій. Этотъ законъ жизни, вложенный въ природу каждаго существа, вездѣ обнаруживаетъ одинаковыя дѣйствія: при соблюденіи его вездѣ разливается порядокъ и благосостояніе, при нарушеніи разстройство и страданіе. Это, такъ сказать, совѣсть всей природы въ совокупности и каждаго созданія порознь. Разность по отношенію къ различнымъ существамъ состоитъ въ томъ, что природа неодушевленная дѣйствій въ себѣ и на себѣ этого закона не чувствуетъ; животныя чувствуютъ, но не сознаютъ; человѣкъ и чувствуетъ и сознаетъ. Возьмемъ опыты нарушенія закона. Растеніе не развивается въ свойственную ему форму, чахнетъ и вянетъ, когда не соблюдены условія его питанія и содержанія, но не чувствуетъ этого. Животное въ болѣзни чувствуетъ страданіе (какъ и человѣкъ, живущій только одною животною жизнію, какъ на примѣръ въ младенствѣ или безпамятствѣ), но не сознаетъ ни причины своихъ страданій, ни возможности выхода изъ тяжкаго положенія. Но человѣкъ вполне обладающій своими силами во внутренней духовной своей жизни, на примѣръ при потерѣ невинности, варушеніи законовъ чести, справедливости, любви къ ближнему, и страдаетъ, и въ тоже время сознаетъ, отъ чего страдаетъ, и какъ онъ впалъ въ это состояніе, и что онъ чувствовалъ до своего паденія, и тѣмъ убѣждается, что ему для возвращенія внутренняго мира и довольства самимъ собою непременно нужно выдти изъ этого неестественнаго состоянія. Ясно, что здѣсь приходится дѣятельность собственно человѣческихъ способностей: разумнаго самообсужденія и свободнаго самоопредѣленія. Посему, совѣсть

человѣческая, какъ все основанное на постепенно развивающемся познаніи себя и другихъ и постепенно возвышающемся свободномъ саморазвитіи, удобоизмѣяема; а при возможности свободнаго нарушенія законовъ со стороны человѣка и разнообразныхъ ошибокъ и заблужденій, и легко возмущается, колеблется, затемняется и извращается. Никто такъ хорошо не знаетъ различныхъ болѣзненныхъ состояній совѣсти человѣческой, какъ св. Церковь. По ея указаніямъ, больше чѣмъ по всякимъ психологическимъ изслѣдованіямъ, намъ извѣстно, что есть совѣсть *грубая, нечувствительная* къ внутреннимъ страданіямъ духа даже при совершеніи тяжкихъ преступленій, при которой человѣкъ, подобно умирающему, не чувствующему разрушенію своего тѣла, не сознаетъ близости вѣчной гибели; или подобно бѣдняку, привыкшему къ душному воздуху своего жилища, дышетъ въ своей зараженной нравственной атмосферѣ безъ тягости и отвращенія. Въ такимъ людямъ относится увѣщаніе: *возстани спяй и воскресни отъ мертвыхъ* (Ефес. 5, 14). Есть совѣсть *безпечная и нерадивая*, когда человѣкъ, не наблюдая за своими мыслями и дѣлами, отъ легкихъ нарушеній закона переходитъ къ болѣе важнымъ, и перемѣшивая проступки съ преступленіями, не слушая обличеній, постепенно день ото дня глубже развращается и, какъ говоритъ Писаніе, *пришедъ во глубину золь нерадитъ* (Прит. 18, 3). Есть, по указанію Апостола Павла, *соожженная* совѣсть лицемеровъ (1 Тим. 4, 2), когда по привычкѣ къ расчетамъ самолюбія, честолюбія, корысти, ложнымъ ученіямъ и лже-толкованіямъ становятся въ умѣ человѣка на мѣстѣ истины, а торжество страсти въ развращенномъ сердцѣ замѣняетъ утѣшеніе совѣсти. Есть совѣсть *буквалистовъ*, которые скорѣе готовы прощать преступленія, чѣмъ уклоненія отъ вишняго обряда, на что указываетъ Апостоль Павелъ, говоря: *буква убиваетъ, духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6). Есть совѣсть *лукавая*, когда человѣкъ худня дѣла свои извиняетъ и оправдываетъ благовидными предлогами. Объ

избавленіи отъ этого порока Церковь научаетъ молиться и самихъ совершителей таинствъ: *очисти Господи мой умъ и сердце отъ совѣсти лукавыя*. Есть совѣсть *фанатическая*, когда человѣкъ по горячему стремленію къ распространенію вѣры, или къ водворенію закона и порядка, готовъ дѣйствовать мѣрами насильственными, съ забвеніемъ личныхъ правъ и свободы другихъ, что Апостоль называетъ *ревностію не по разуму* (Рим. 10, 2). Есть совѣсть *рабская*, когда человѣкъ, подавляемый силою грѣховныхъ наклоненій, или страстей, и страдаетъ внутренно, и страшится вѣчнаго осужденія, и ищетъ выхода изъ своего тяжкаго положенія и не находитъ. Къ этимъ нравственнымъ состояніямъ относится слово Спасителя: *всакъ творій грѣхъ, рабъ есть грѣху* (Іоан. 8, 34). Есть совѣсть *робкая, страшливая*, когда человѣкъ теряетъ спокойное и ясное настроеніе духа, смущаясь страхомъ осужденія за неизбѣжныя грѣхи человеческой немощи. Здѣсь мы указали только главнѣйшіе виды болѣзненныхъ состояній совѣсти. Въ дѣйствительной жизни эти пороки совѣсти въ душахъ нашихъ такъ соединяются, переплетаются, получаютъ такіе разнообразныя оттѣнки и степени силы, что ни услѣдить ихъ, ни описать въ подробности невозможно. Но и въ этомъ общемъ очеркѣ каждый изъ насъ, внима, тельно всмотрѣвшись въ себя, найдетъ много такого, что близко относится и къ нему, что составляетъ и его внутреннюю болѣзнь. Подумавши такимъ образомъ о людяхъ нравственно недужныхъ и испорченныхъ (каковы всѣ мы болѣе или менѣе), какой *свободы совѣсти* мы можемъ пожелать для нихъ? Позволенія и разрѣшенія говорить во всеуслышаніе о томъ, чего они внутренно еще стыдятся? Разоблачать предъ всѣми то, что они тщательно скрываютъ? Дѣлать открыто и на глазахъ всѣхъ то, что по остаткамъ совѣсти еще дѣлается въ четырехъ стѣнахъ и во тьмѣ ночной? Или, съ другой стороны, дать волю во вредъ другимъ дѣлать то, что пожелаютъ по своей совѣсти дѣлать интригующе, подъ разными именоваіями,

лицемѣры, неукротимые фанатики, безстыдные развратники, воры и разбойники? Но не значитъ ли это растворить настежь двери тому неизобразимому количеству зла, которое кроется въ сердцахъ человѣческихъ, и дозволить ему безпрепятственно вырваться наружу на соблазнъ и развращеніе невинныхъ и неопытныхъ, на искушеніе колеблющихся, на расслабленіе терпящихъ и трудящихся въ подвигахъ добра и чести?... Ясно, что это будетъ не свобода совѣсти, а высвобожденіе людей изъ-подъ надзора и суда совѣсти, или иначе поправіе и уничтоженіе самой совѣсти.

Намъ скажутъ: „кто же такъ понимаетъ свободу совѣсти? Это очевидная несообразность“. — Согласны. Но именно эта несообразность, или внутренняя ложь, прикрываемая разными софизмами, и заключается въ современномъ понятіи о свободѣ совѣсти, указанномъ нами въ началѣ. „Предоставьте каждому дѣйствовать *по своей* совѣсти, такъ какъ совѣсть священна и неприкосновенна“. Что это значитъ? Отдайте нравственный порядокъ обществъ на личную совѣсть каждого человѣка, и впервыхъ, *на нашу* совѣсть, на совѣсть, какая *у насъ*, проповѣдниковъ новыхъ ученій. Но мы въ правѣ сказать имъ: покажите намъ сначала, какая у васъ совѣсть, чтобы мы знали, можно ли ей довѣряться. Есть совѣсть общечеловѣческая, на основаніи которой поставлены общечеловѣческіе законы жизни, заключенные въ письменахъ, преданіяхъ, правилахъ и обычаяхъ цѣлыхъ народовъ. Не представляетъ ли ваша личная совѣсть чего-нибудь не соответствующаго этой высшей совѣсти, чего-нибудь болѣзненнаго, искаженнаго, уродливаго? Есть совѣсть христіанская, руководимая божественными законами. Какъ ваша совѣсть относится къ этимъ святымъ и непреложнымъ законамъ нравственности, которые чтитъ лучшая часть человѣчества, и въ томъ числѣ вся православная Церковь? Не представляетъ ли ваша совѣсть по отношенію къ нимъ чего-нибудь оскорбительнаго, враждебнаго, разрушительнаго?

Но совѣсть матеріалистовъ и ихъ послѣдователей чельзя обсуждать по законамъ какой бы то ни было религіи, когда они отвергаютъ всякую религію. О нихъ можно судить только по совѣсти общечеловѣческой и исторической. Мы и возьмемъ изъ ихъ дѣйствій такія, которыя подлежатъ этому суду. Когда человѣкъ, состоящій въ супружествѣ, соблазняетъ вѣнчанную дѣвицу, и оставляя жену и дѣтей, вступаетъ съ нею въ открытое сожитіе, по какой совѣсти это онъ дѣлаетъ? Когда жена говоритъ мужу: я люблю другаго, отпусти меня безъ огласки, отдай мнѣ всѣхъ, или половину дѣтей и возврати мнѣ приданое, или назначь приличное содержаніе изъ своего состоянія, изъ какой совѣсти исходитъ такое предложеніе? Когда мужъ, уважая эту мнимую святую чувства своей жены, самъ отдаетъ ее въ руки другому, награждаетъ ее, и самъ присутствуетъ на торжествѣ новаго брака, не скрывая его и отъ своихъ дѣтей,—по какой совѣсти это онъ дѣлаетъ? Не по свободной совѣсти, а по совѣсти отупѣвшей въ сладострастіи, по совѣсти оглохшей ко всѣмъ внушнимъ стыда, нравственнаго приличія, родительской любви и здраваго разума, по которому даже народы, едва изникающіе изъ пещеръ, въ единопбрачій полагаютъ истинное семейное счастье и прочныя основы воспитанія и народнаго благосостоянія. Они говорятъ: „мы не стѣсняемъ личной свободы другихъ, не производимъ общественныхъ безпорядковъ“. Но всему міру извѣстно, что для нравственной свободы больше представляютъ опасностей соблазны и дурной примѣръ, чѣмъ вышнее принужденіе и стѣспеніе; что семейные безпорядки суть сѣмена всякихъ безпорядковъ и бѣдствій общественныхъ. Пора въ предостереженіе христіанскихъ семействъ положить печать не только общественнаго, но и церковнаго осужденія на этихъ проповѣдниковъ разврата подъ именемъ свободы совѣсти.

Въ чемъ же однако состоитъ истинная свобода совѣсти? Не во вышнихъ правахъ и преимуществахъ—обществен-

ныхъ и политическихъ, а во внутреннемъ освобожденіи духа отъ всѣхъ препятствій къ соблюденію закона, встрѣчаемыхъ въ поврежденной человѣческой природѣ, и затѣмъ въ сознаніи правоты, въ невозмущаемомъ чувствѣ внутренняго мира и благосостоянія, и въ правѣ относиться къ постановленіямъ закона обрядовымъ по высшему разумѣнію законовъ и цѣлей нравственныхъ.

Мы сказали, что ученіе о свободѣ совѣсти есть собственно христіанское ученіе; потому и разъясненія его надобно искать въ области христіанскихъ исповѣданій и церковныхъ учрежденій. Въ Церкви мы знаемъ два рода законовъ: законы нравственные, утвержденіе которыхъ въ жизни и дѣятельности духа есть цѣль всѣхъ человѣческихъ трудовъ и усилій, и законы обрядовые, или воспитательные, вспомошествоующіе человѣку овладѣть всѣми своими нравственными силами для соблюденія первыхъ. Св. апостоль Павелъ обрядовый законъ ветхаго завета, налагавшій на членовъ ветхозавѣтной Церкви строгія правила о тѣлесной чистотѣ, о жертвахъ, праздникахъ, разборѣ пищи, называетъ *истинномъ* во Христа (Гал. 3, 24), или воспитателемъ, руководителемъ ко Христу. Тоже значеніе имѣють и подобныя обрядовые законы въ Церкви новозавѣтной, каковы: времена богослуженій, праздники, посты, правила о говѣніи и молитвѣ домашней и другія религиозныя упражненія. Цѣль ихъ—пріучить христіанъ путемъ опытовъ, или нравственныхъ уроковъ, къ собранности ума, различенію помысловъ и сердечныхъ движеній, самообладанію и терпѣнію въ борьбѣ съ страстями плоти, къ самоотверженію въ дѣлахъ человеколюбія, къ ощущеніямъ высшихъ вліяній изъ міра духовнаго, пробуждающихъ въ душѣ нашей стремленіе къ жизни высшей и вѣчной. Въ этихъ упражненіяхъ непрестанно внушаются чистыя понятія о добрѣ и злѣ, объ обязанностяхъ человѣка, объ его истинномъ совершенствѣ, о способахъ исправленія прирожденной порчи; здѣсь естественныя внушенія совѣсти проясняются, исправляются и утверждаются, такъ

что законъ божественный вызывается и изъ самой души, какъ прирожденный, и въ тоже время вводится въ нее извнѣ, какъ богооткровенный, положительный, изъ чего въ совокупности и складается полное и ясное познаніе и сознаніе воли Божіей о человѣкѣ. И все это дѣлается подъ живымъ вліяніемъ пастырей и учителей Церкви, гдѣ совѣсть человѣческая охраняется покровомъ глубокой тайны, гдѣ человѣкъ къ нравственнымъ подвигамъ убѣждается, но не принуждается, гдѣ вибніи уираженія, видимыя со стороны, переходятъ во внутреннее, невидимое дѣланіе предъ очами Божиими, гдѣ нравственно-больной съ любовію обличается и врачуется, но не оскорбляется и не унижается. По внутреннюю силу, существо, душу всѣхъ этихъ законоположеній и упражненій составляютъ свята тайнаства, въ которыхъ по силѣ крестной жертвы Искушителя сообщается христіанину благодать Божія, возраждающая нашу поврежденную природу, вспомошествоющая намъ, очищающая и освящающая насъ. Только „кровь Христова, по ученію Апостола, очищаетъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ“ (Евр. 9, 14) и освобождаетъ насъ „отъ порочной совѣсти“ (10, 22). *Духъ Святъ ны свободилтъ*, говоритъ Господь, *воистину свободни будете* (Іоан. 8, 36).

Очевидно, что эти законоположенія, трудныя для начинающихъ, становятся болѣе легкими для успѣвающихъ, и нечувствительными, какъбы теряющими свою обязательную силу, для христіанъ совершенныхъ. Кому все равно, какъ апостолу Павлу,—терпѣть голодь, или насыщаться, быть въ изобиліи, или недостатокѣ (Филип. 4, 12), для того незамѣтны, столь тяжелыя для насъ, посты; кто непрестанно молится (1 Сол. 5, 17), для того не трудны продолжительныя богослуженія; кто живетъ духомъ (Гал. 5, 16), для того не соблазнительны наслажденія плоти—вкусныя яства, дорогія вина, пары, зрѣлища и пр. Вообще, кто ввелъ въ свою природу какъ потребность, какъ необходимость, исполненіе закона нравственнаго, для того теряютъ силу средства, только ведущія къ этому совер-

шенству. „Кто имѣеть“, говоритъ св. апостоль Павелъ, „плоды Духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе, на такихъ пѣть закона“ (Гал. 5, 23). „Законъ положенъ не для праводника, но для беззаконныхъ“ (1 Тим. 1, 9). „Если вы духомъ водитесь, то вы не подѣ закономъ“ (Гал. 5, 18). Вотъ на какой нравственной высотѣ водружено знамя свободы совѣсти! Здѣсь говоритъ человѣкъ: „мнѣ все позволено“ (1 Кор. 10, 23), потому что знаетъ, что не только не сдѣлаетъ, но и не пожелаетъ ничего вреднаго, или противозаконнаго; онъ говоритъ: *вся мому о зкрѣпляющемъ мя Гусусь Христь* (Филип. 4, 13), потому что чувствуетъ въ себѣ обиліе испытанныхъ борьбою и восполняемыхъ благодатію Божіею нравственныхъ силъ. Онъ говоритъ: „для чего моей свободѣ быть судимою чужою совѣстію?“ (1 Кор. 10, 29), потому что поситъ въ себѣ Духа Божія, озаряющаго его совѣсть (Рим. 9, 1). Какіе виѣшніе знаки свободы, какія права можетъ дать такимъ людямъ церковная власть? Церковь сама почитаетъ ихъ своими учителями, руководителями, образцами, свѣтилами на церковномъ небѣ, въ какомъ бы званіи они ни были—епископы, смиренные иноки, рабы, или рудокопы. Какія права на свободу совѣсти можетъ дать имъ власть государственная? Они никакихъ не желаютъ, потому что всё имѣютъ. Они радуются, когда Церковь Божія не въ гоненіи, а мирно и свободно совершаетъ великое дѣло спасенія людей; но терпятъ и гоненія съ покорностію попускающей ихъ волѣ Божіей, и затѣмъ внушаютъ всѣмъ христіанамъ: „повинуйтесь всякому человѣческому начальству (единовѣрному и иновѣрному) Господа ради“ (1 Пет. 2, 13); „рабы, повинуйтесь своимъ господамъ не только за гявѣ, но и за совѣсть (Рим. 13, 5). По отношенію ко всѣмъ властямъ они даютъ христіанамъ одно общее правило, обезпечивающее ихъ отъ всякаго неудовольствія власти: *хощеши ли не боятися власти,—благое твори* (Рим. 13, 3). Счастливо христіанское государство, въ ко-

торомъ не оскудѣвають эти свободные исполнители и ревнители закона! Изъ нихъ выходятъ слуги отечества, трудящіяся для него въ цѣлую жизнь безъ мысли о чинахъ и наградахъ; изъ нихъ неподкупные судии, правдивые и безбоязненные царскіе совѣтники; изъ нихъ въ войскахъ составляются *промоносные легионы*.

Посмотрите, какъ съ этой высоты ярко освѣщается ложное направленіе тѣхъ христіанъ, которые требуютъ себѣ свободы совѣсти, не имѣя, не утвердивши въ себѣ ни одного изъ нравственныхъ свойствъ, составляющихъ существенныя черты этой свободы. Св. апостолы предвидѣли, что въ христіанскихъ обществахъ будутъ злоупотребленія этимъ высокимъ ученіемъ. Апостолъ Петръ, опредѣляя отношенія иервенствующихъ христіанъ именно къ правителямъ, или гражданскимъ властямъ, и притомъ языческимъ, говоритъ имъ: „такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикритія зла, но какъ рабы Божіи“ (1 Петр. 2, 15. 16). Апостолъ Павелъ остерегаетъ съ другой стороны: „къ свободѣ призваны вы, братія, только бы свобода ваша не была поводомъ къ уложденію плоти“ (Гал. 5, 13). Въ этихъ двухъ наставленіяхъ точнымъ образомъ опредѣляются два рода современныхъ искателей свободы во имя совѣсти. Одни требуютъ, чтобы въ христіанскихъ странахъ изъ всѣхъ государственныхъ учрежденій и законоположеній, относящихся къ воспитанію и охраненію народной нравственности, были устранены всякія мѣры, имѣющія религіозный характеръ, какъ напримѣръ: обязательное преподаваніе закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ, охраненіе христіанскихъ браковъ и церковныхъ временъ, требующихъ особаго благоговѣнія и т. п., на томъ основаніи, что всякій имѣетъ право дѣйствовать по своей совѣсти. Такое требованіе есть *прикритіе зла* или злонамѣренности именемъ свободы. Какъ можетъ вредить свободѣ христіанской совѣсти сообщеніе юности

вательныхъ научныхъ познаній въ христіанской религіи, охраненіе чистоты семейной жизни именно отъ этихъ беззаконныхъ сожитій, о которыхъ мы говорили выше, или остереженіе невѣжественныхъ массъ отъ пьянства и буйства въ священныя церковныя времена? Это—пособія, а не препятствія къ достиженію истинной свободы совѣсти. Но искатели свободы здѣсь радѣютъ не о совѣсти и ея правахъ, а о безпрепятствениомъ распространеніи своихъ ложныхъ, противухристіанскихъ ученій. Церковной власти ослушаться легко, и во вредъ Церкви дѣйствовать удобно, но съ государственною властію бороться трудно. Вотъ гдѣ истинная причина ихъ жаркихъ нападеній на покровительство христіанской нравственности, оказываемое государственнымъ законодательствомъ!

Другой родъ злоупотребленія ученіемъ о свободѣ совѣсти, предудказанный апостолами, относится къ обрядовымъ, или воспитательнымъ церковнымъ законоположеніямъ. Въ этомъ злоупотребленіи виновны всѣ тѣ, такъ называемые образованные люди въ нашемъ обществѣ, которые возстаютъ противъ строгихъ уставовъ православной Церкви. „Оставьте“, говорятъ они намъ, „всѣ ваши напоминанія о вечернихъ и утреннихъ богослуженіяхъ, о постахъ и говѣніи; не препятствуйте намъ быть въ театрахъ и концертахъ наканунѣ праздниковъ; мы желаемъ, чтобы театры были открыты и на великій постъ, чтобы было убавлено и самое число вашихъ праздниковъ, потому что намъ нужны рабочія руки для множества необходимыхъ дѣлъ и пр. Къ чему принужденіе?“ Здѣсь христіанская свобода обращается *въ поводъ къ угожденію плоти* и обнаруживается явное непониманіе того, что именно въ этихъ церковныхъ правилахъ и лежитъ путь къ свободѣ совѣсти. Страсть къ плотскимъ наслажденіямъ всегда будетъ бунтовать противъ церковныхъ правилъ, потому что плоть съ великимъ трудомъ подчиняется духу и его высшимъ стремленіямъ. Но православная Церковь не знаетъ принужденія. Въ крайнихъ случаяхъ она только отрекает-

ся отъ своихъ непокорныхъ чадъ и отчуждаетъ ихъ отъ себя. Эти любители наслажденій вольны дѣлать, что хотятъ, все, что выносить ихъ совѣсть. Но жаль, что этою распущенностію по отношенію къ уставамъ Церкви нарушаются единообразіе и порядокъ, столь важные для успѣховъ христіанской жизни, нравственно разслабляются молодая поколѣнія, соблазняется простой народъ, возмущается совѣсть ревнителей христіанской нравственности. Здѣсь кроется великая опасность развращенія — прежде цѣльнаго, нравственно-крѣпкаго русскаго народа. Не такъ поступаютъ истинные ревнители свободы совѣсти: они всегда — самые строгіе исполнители церковныхъ уставовъ, и пользуются правомъ уклоненія отъ нихъ, какъ мы сказали, только для высшихъ нравственныхъ цѣлей. Но и въ этихъ случаяхъ они остерегаются, чтобы своею свободою не повредить кому-нибудь, чтобы, какъ говорить ап. Павелъ, „ихъ свобода не послужила соблазномъ для немощныхъ, чтобы отъ ихъ высшаго знанія не погибъ немощный братъ, за котораго Христосъ умеръ“ (1 Кор. 8, 9. 11). Въ виду такихъ опасностей они говорятъ: *не имамъ ясти мяса во вѣки, да не соблазню брата моего* (1 Кор. 8, 13).

Итакъ, свободы совѣсти надобно искать не въ области правъ земныхъ, а въ области совершенствъ духовныхъ. Не надобно ждать не отъ законовъ государственныхъ, а отъ нашихъ собственныхъ нравственныхъ трудовъ и подвиговъ, и просить не у земныхъ царей и влaстителей, а у Господа Бога. Въ смыслѣ расширенія разумной свободы въ общественной жизни разсуждайте: о свободѣ мысли, о свободѣ слова, о свободѣ убѣжденій, о свободѣ вѣроисповѣданій, но не о свободѣ совѣсти. Всѣ эти роды свободы могутъ быть только путями къ свободѣ совѣсти, но она сама стоитъ выше ихъ. *Идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17). Аминь.